

М.Б. Напцо, М.Д. Напцо

ПРАВА НАРОДОВ И ПРАВА ИНДИВИДА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ И КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРАВ

***Аннотация:** В современных условиях особое звучание приобретают коллективные права этнических общностей, права народов. Авторы утверждают, что именно они позволяют этническим сообществам сохранять себя как специфические этнокультурные общности, а государству – эффективнее регулировать весь спектр этносоциальных отношений. Утверждение коллективных прав этнических общностей – одна из наиболее сложных проблем современного права. Оно традиционно отдает предпочтение правам индивидуальным, и эта точка зрения пока остается преобладающей, несмотря на постепенное продвижение коллективных прав. В статье предпринята попытка показать важность применения института прав человека и института прав народов в их единстве для реализации этнонациональных и индивидуальных интересов.*

***Ключевые слова:** Юриспруденция, права человека, права народов, этническая общность, этничность, самобытность, государственная национальная политика, право на национальное развитие, культурная идентичность, дискриминация*

В основе этнонациональных интересов лежит стремление этнической группы сохранить себя как отдельную социальную общность и носителя специфической культуры. Это стремление может быть реализовано через совокупность коллективных этнических прав, прав народов. Однако его реализация невозможна и вне контекста прав человека: существовать в качестве самобытной единицы имеет право не только этническая общность в целом, но и отдельно взятый индивид. При этом возможности индивида в осуществлении этого права во многом зависят от объема и реальности прав этнической общности и в первую очередь от самого факта ее существования в качестве таковой.

Такой подход вполне сообразуется с несколькими значениями феномена этничности. «На микроуровне в экзистенциальном ракурсе этничность соотносится с отдельным человеком... На макроуровне, в социосферном ракурсе этничность соотносится с группой... На мегауровне, в планетарно-вселенском ракурсе этничность соотносится с человечеством, или социумом. *Мегаэтничность* предстает как этносфера, т.е. мозаичная в этническом отношении антропосфера...»¹. Очевидно, что одновремен-

ное проявление этничности на уровне индивида, группы, социума в праве должно найти отражение в единстве индивидуальных и коллективных этнических прав.

Считается, что права народов – это особые права человека, самый поздний политический и правовой их институт. Еще в 1972 г. известный французский юрист, бывший директор Департамента ЮНЕСКО по правам человека и миру К. Вазак, назвав коллективные права составной частью прав человека, отнес их к «третьему поколению прав человека». Теория «третьего поколения прав» К. Вазака считается одной из самых аргументированных попыток регламентации коллективных прав в международном праве, «поскольку формулируемые по существу как индивидуальные «права солидарности» по определению могут осуществляться только коллективно, «посредством согласованных усилий всех факторов общественной жизни, т.е. индивида, государства, публичных и частных объединений и международного сообщества»². И отдельный человек принимает участие в реализации этих прав не просто как индивид, а в силу принадлежно-

¹ Мацнев А.А. Федерализм в многонациональном государстве // Вопросы национальных и федеративных отношений. Сборник статей аспирантов и преподавателей. – М., 2002. – С. 134-135.

² См.: Смирнова С.К. Права народов в мультиэтничном государстве: Путь России // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М. – 2002. – № 151. – С. 21-22; Горбунов С.Н., Миронов В.О., Молчанов Б.А. Права коренных народов на благоприятную окружающую среду. – Владимир, 2002. – С. 127.

сти к какой-либо общности. Эту точку зрения до сих пор разделяют многие современные исследователи в области прав человека (Ю.В. Анохин, М.П. Фомиченко и др.)³.

Говоря о причинах перехода «от прав государств к правам народов», Ю.В. Попков и В.А. Бойко, приводя точку зрения Р.А. Тузмухамедова, автора проекта «Всеобщая декларация прав народов» (1988), считающего, что существует цельная система прав народов, утверждают: «...Становление прав народов является процессом объективным, вызванным к жизни возникновением перед человечеством глобальных проблем, с которыми не в состоянии справиться отдельные государства, даже объединившись между собой. Как в условиях войн и природных катастроф, они вынуждены привлекать для решения глобальных проблем народные массы, взамен осуществляя легитимизацию прав народов. Тем самым в международном законодательстве права государств и права индивидов (человека) дополняются коллективными (групповыми) правами». Таким образом исследователи признают, что, во-первых, всемерное развитие суверенных государств не ведет к устранению этносоциальных общностей с политической арены; во-вторых, процессы универсализации и унификации сопровождаются столь же активным ростом этнической самоидентификации, стремлением народов к самостоятельности и обретению все больших политических и экономических прав⁴.

Нам представляется достаточно интересным и взгляд С.В. Полениной на причину появления третьего поколения прав человека: в общем, она в постоянно нарастающей тенденции преодолеть дискриминацию, несправедливое неравенство между людьми. «Вопрос о возможности закрепления в качестве норм международного права стандартов правового статуса тех или иных социальных групп населения, вычлененных по присущим им общим признакам (социальным, национальным, возрастным, половым и т.д.), долгие годы не только отрицался. Сама его постановка... трактовалась... как пропагандистская акция. Однако жизнь постепенно ломала догму об исключительно индивидуальном характере прав человека. Нарождалось третье... поколение прав человека, охватывающее права тех категорий граждан, которые по социальным, политическим, физиологическим и иным причинам не имеют равных с другими гражданами *возможностей* осуществления общих для всех людей прав и свобод и в силу этого

³ См.: *Фомиченко М.П.* Права народов в Российской Федерации (конституционно-правовые аспекты): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2007; *Анохин Ю.В.* Механизм государственно-правового обеспечения прав и свобод личности (на материалах Российской Федерации): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Саратов, 2007. – Доступно <<http://vak.ed.gov.ru>>.

⁴ *Попков Ю.В., Бойко В.А.* Политико-правовой статус коренных народов Севера: на пути в мировую цивилизацию. – Новосибирск, 1997. – С. 6,7.

нуждаются в определенной поддержке со стороны как государства, так и мирового сообщества в целом. Круг носителей таких прав достаточно широк»⁵.

Действительно, в одном ряду коллективных прав оказались права народов и право общности, ассоциации, право на развитие, право на мир и безопасность, право на здоровую окружающую среду, права трудящихся-мигрантов и т.д. Даже в Словаре прав человека и народов, составленном под редакцией Р.А. Тузмухамедова, убежденного сторонника коллективных прав, названы, через запятую, следующие субъекты групповых прав: «народы, расы, коренные народы, племена, меньшинства, беженцы, трудящиеся-мигранты, перемещенные лица, лица без гражданства, семья, женщины, дети, заключенные, инвалиды, умственно отсталые лица, религиозные организации»⁶. Таким образом права народов уравниваются с правами любой общности людей, созданной на основании самых различных критериев, хотя очевидно, что они есть явления более чем разнопорядковые. В первом случае речь идет о *естественно* сложившихся самоорганизованных обществах людей, объединенных общностью происхождения, территории, истории, системы ценностей, образа жизни и мировосприятия до состояния, воспользуемся терминологией В.Р. Филиппова, «неразделенного целого»⁷, *естественно* в качестве таковых выделившихся среди других обществ. Поэтому единственным, что их хоть как-то объединяет, является именно то, что и подчеркнул К. Вазак: для их осуществления нужны коллективные действия, и не только индивидов, непосредственно входящих в то или иное сообщество, группу. И этим коллективным действиям предшествуют формирование группового самосознания, становление интересов, по мере развития которых формулируются и кристаллизуются коллективные права. В силу этого их не считают естественными, в отличие от прав человека, а значит, они не должны им противоречить, ограничивая правовой статус личности. На этом основаны все признанные правом концепции коллективных прав.

Именно этот критерий – формирование интересов и целей – называет М.П. Фомиченко, говоря об *определенной самостоятельности* прав народов, возникших и длительное время формулировавшихся *в рамках системы прав человека*: «Если люди в своем достоинстве и правах рождаются свободными и равными, то права народов имеют качественно иные свойства, появляются и формулируются по мере становления целей

⁵ *Поленина С.В.* Мультикультурализм и права человека в условиях глобализации // Государство и право. – 2005. – № 5. – С. 72-73.

⁶ Словарь прав человека и народов / Отв. ред. Р.А. Тузмухамедов, В.И. Кузнецов. – М., 1993. – С. 30.

⁷ *Филиппов В.Р.* Критика этнического федерализма. – М., 2003. – С. 60.

и интересов коллективного образования», – и указывает причину, по которой права народов в определенном смысле «выходят» за рамки конструкции прав человека: «Ценностный смысл выработанного опытом цивилизаций набора универсальных прав человека состоит в том, что в них заложен потенциал тех естественных и непреходящих свойств, которые необходимы для нормальной жизнедеятельности человека и человечества в целом. В то же время, в принципе, невозможно обеспечить групповые права народов в рамках прав человека, поскольку характер и объем первых определяется, прежде всего, международно-правовой нормой самоопределения народов». Давая определение прав народов как коллективных прав человека: «Права народов – это особые коллективные права человека, связанные с его принадлежностью к определенной территориальной, политической и национальной (наднациональной) общности; права, характеризуемые возможностью их реализации только общностью; права, которые регулируются системой международно- и национально-правовых норм, определяющих положение этих общностей в мире (в государстве) и создающих надежные гарантии для их сохранения, жизни и развития»⁸, – М.П. Фомиченко указывает и иные отличительные признаки прав народов, как-то: 1) они связаны с принадлежностью к особой общности; 2) реализуются только общностью; 3) представляют собой систему международных и национальных правовых норм, имеющих целью обеспечить сохранение и развитие этих общностей. Именно последнее – *содержание* прав народов, определяющих «положение этих общностей в мире (в государстве)» и создающих «надежные гарантии для их сохранения, жизни и развития» – позволяет говорить о *двойственной природе коллективных прав*: они призваны защищать человека как члена общности, носителя культурно-отличительных признаков, так и саму общность, саму культуру. Постановка вопроса о том, что субъектом права может быть и индивид, и общность, становится вполне логичным. Поэтому, несмотря на справедливость замечания Н.И. Новиковой о том, что «некоторые права индивида могут быть защищены только через коллектив»⁹, мы бы сказали, что сами этнические права индивида могут быть обеспечены лишь при наличии эффективной защиты самой этнической общности, чье полноценное развитие и обеспечивает воспроизводство ее культуры. В противном случае, ни о какой свободе индивидуального выбора речь идти не

может. В современных условиях защита этнокультур есть вопрос их конкурентноспособности, которая и обеспечит реальность индивидуального выбора.

Поэтому многие исследователи предпочитают теорию о трех поколениях индивидуальных прав в изложении другого француза – Ф. Люшера: «...Первое поколение — это принципы 1789 г., обеспечивающие за индивидом формальные свободы и дополненные свободами, которые люди осуществляют сообща (собрания, ассоциации, образовательный процесс и т.п.)... Второе поколение прав и свобод делает основной упор на материальную обеспеченность индивида... Третье поколение прав и свобод рождалось по мере эволюции самого общества, в частности по мере развития научно-технического прогресса. У индивида появились совершенно новые потребности... или новые способы удовлетворения потребностей, которые приобрели куда более важное значение и распространение, чем это было в недавнем прошлом (информация, культура, ... создание достойных жилищных условий...). Некоторые из названных потребностей повлекли за собой международное признание соответствующих прав...»¹⁰. В том, что коллективные права могут быть не отнесены к «третьему поколению прав человека», названных еще «правами солидарности», есть своя логика: речь идет о разных субъектах права. В первом случае мы говорим об индивиде как члене определенного общества, реализующем свои права совместно с другими членами этого общества, о его праве «свободно соединяться с другими людьми для достижения различных общественных целей», о его праве на «общественную свободу»¹¹. Во втором случае – о коллективе, объединенном в силу своей природы, как отдельно взятом субъекте. Примечательно, но современный словарь по правам человека понимает коллективные права именно в такой трактовке: «Права, которые принадлежат коллективам в силу своей природы и характера. Такими правами являются права меньшинств, которые состоят из определенного количества членов, связанных общими национальными, этническими, религиозными или языковыми узами, а также права народов. Последние включают в себя право на самоопределение, право на развитие, право на мир и безопасность и право на здоровую окружающую среду»¹².

И это тоже «право на общественную свободу» в том смысле, что оно «осуществляется большим количеством лиц», имеющих в виду «удовлетворение интересов с по-

⁸ Фомиченко М.П. Права народов в Российской Федерации (конституционно-правовые аспекты): Автореф. дис. ... докт.юр. наук. – М., 2007. – Доступно <<http://vak.ed.gov.ru>>.

⁹ Новикова Н.И. Права человека и права коренных народов Севера России: гармония или антагонизм? // Человек и право. Книга о летней школе по юридической антропологии. – М., 1999. – С. 54.

¹⁰ Люшер Ф. Конституционная защита прав и свобод личности. – М., 1993. – С. 372-373.

¹¹ Свешников М.И. Очерк общей теории государственного права. – СПб., 1896. – С. 147-148.

¹² Словарь по правам человека. – Доступно <<http://www.hro.org/editions/glossary/10/colrights.htm>>.

мощью соединения с другими людьми»¹³. Однако мало того, что отдельно взятый индивид не может реализовать коллективное право, но даже в случае его осуществления посредством коллективных действий индивида совместно с другими членами сообщества воспользоваться результатами реализации права может лишь коллектив как таковой: индивид как член коллектива может рассчитывать на определенные улучшения своего положения вследствие изменения положения, статуса самого коллектива. Яркий пример тому – право на самоопределение, заключающееся в получении возможности самостоятельно решать вопросы собственного политического, экономического, культурного развития не индивидом или группой лиц, непосредственно участвовавших в процессе его реализации, а целым сообществом – нацией, народом (или населением, проживающим на определенной территории).

Если исходить из того, что особенности коллектива не определяются простой совокупностью качеств входящих в него членов, и он, во многом завися от специфики сформировавшейся системы взаимодействий между членами коллектива и его взаимосвязей вовне, представляет собой качественно новое образование, то становится очевидным, что совокупность индивидуальных прав членов коллектива и права самого коллектива – понятия разные, и принадлежат они разным субъектам. Наличие и действие фактора *коллективности*, преобразующего индивида, формирующего у него новые интересы и потребности как члена общества, требуют дополнительного объема прав и свобод, связанных с обеспечением жизнедеятельности самого коллектива, частью которого и является индивид: «Именно коллективный элемент, проявившись в сфере определенной группы лиц, превращает данную группу в качественно новое образование — коллективного субъекта права. Коллективный элемент, в данном случае, привносит с собой некие общие цели, задачи, интересы, объединяющие эту группу». И предметом регулирования становится «специфическая группа общественных отношений... характеризующаяся наличием коллективного элемента»¹⁴. В таком случае, как пишет Б.Дж. Сингер, «коллективные права – это те права, которыми индивидуумы обладают в силу их коллективной принадлежности к какому-либо подсообществу»¹⁵.

И чем прочнее связь индивида с коллективом, тем в большей степени его личный статус зависит от статуса коллектива, его самочувствие – от самочувствия коллектива. В случае с этническими сообществами эта

взаимосвязь намного прочнее и сложнее (коллективное начало – сущность этничности). Кроме того, положение индивида в обществе во многом определяется этническим статусом самой этнической общности: «Если индивидуальный социальный статус достигается, или «завоевывается» в современном обществе, то этнический – наследуется... человек обладает им лишь постольку, поскольку принадлежит к определенной общности... Этнический статус... является важнейшей составляющей социального самочувствия человека. Низкий его уровень порождает чувство национальной ущемленности...»¹⁶. И тогда любые сложности в реализации индивидуальных прав обретают этническую окраску, нарушения или ограничения прав человека и гражданина воспринимаются как дискриминация в силу этнической принадлежности, а затем и как дискриминация этнической группы в целом вследствие ее низкого статуса, в том числе и правового. Кроме того, не следует забывать, что дискриминация, геноцид, этноцид и иные формы преследования и проявления неравенства и составляющие их действия направлены против индивидов не в их личном качестве, а как членов определенного сообщества и даже против самих этих сообществ. О чем и говорит С. Червонная: «...Обращаясь к этносоциальной сфере, к этническим процессам, к национальному самосознанию и национальным движениям, мы просто не можем не касаться коллективных прав, ибо сама этничность проявляется и функционирует в коллективной жизни, определяется понятием «мы». И дискриминация по этническому признаку предполагает, прежде всего, нарушение групповых, коллективных прав»¹⁷. И это еще один довод в пользу коллективных прав: они могут быть, по справедливому мнению М.Д. Смыслова, нарушены в отношении как отдельно взятого индивида, так и общности в целом. На важность этого момента обращает внимание и С.В. Соколовский: «Разница в контроле за осуществлением коллективных и индивидуальных прав проявляется особенно ярко в случае их нарушения: если при нарушении индивидуальных прав статистика не играет роли и всякое нарушение может быть законным образом опротестовано, то в случае нарушения коллективных прав именно общая картина – правовое ущемление целой группы, а не ее представителей – учитывается при анализе правового режима государства... Достаточно часто соблюдение конкретных прав индивида становится невозможным

¹³ Свейшиков М.И. Очерк общей теории государственного права. – СПб., 1896. – С. 164.

¹⁴ Федосенко В. Актуальные проблемы института коллективных прав. – Доступно <<http://www.msps.ru/?page=102&module=256&=41>>.

¹⁵ Сингер Б. Дж. Демократическое решение проблемы этнического многообразия // Вопросы философии. – 1994. – № 6. – С. 94.

¹⁶ Майборода Э.Т. Коллективные права как основания этносубъектности // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире / Под ред. О.Ю. Малиновой и А.Ю. Сунгурова. – СПб., 2005. – С. 233.

¹⁷ Червонная С. Выступление в дискуссии // Право народов на самоопределение: идея и воплощение. Материалы научно-просветительского семинара. Москва, 22-23 марта 1997 года. Сост. А.Г. Осипов. – М., 1997. – С. 97.

при нарушении коллективных прав его группы»¹⁸. Л.М. Карапетян, признавая неправомерность и недопустимость противопоставления прав личности правам группы, замечает, что «личность является частью «группы» и своего народа», и если попирается право народа, в частности на самоопределение, то попирается также право личности, принадлежащей к данному народу, и, наоборот, реализацией права народа на самоопределение можно обеспечить более эффективную гарантию защиты права личности¹⁹. Поэтому расширение прав индивидуальных за счет прав коллективных обеспечивает гармоничное развитие, в первую очередь, личности, а затем коллектива и общества в целом.

Такой подход разделяют и авторы проекта Федеральной концепции по обеспечению прав и свобод человека: «Коллективные права неотделимы от прав индивида... Особенностью этих прав является факт их принадлежности не частным лицам, как таковым, а коллективам, объединенным по принципу солидарности (например, народ, нация, ассоциация и др.). Такие права не могут осуществляться отдельным человеком. Индивид может принимать участие в их реализации на положении члена коллектива. Природа индивидуальных и коллективных прав различна. Индивидуальные права – естественные права, принадлежащие человеку с момента его рождения... Коллективные права не должны противоречить или подавлять индивидуальные права или противопоставляться им... При нормальном развитии общества проблема ранжирования индивидуальных и коллективных прав стоять не должна»²⁰. Директор Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишков убежден, что этнические, коллективные, права «призваны только достраивать права личности, но не подменять и не доминировать над ними»²¹. С.К. Смирнова видит главное предназначение коллективных прав в защите от дискриминации, охране самобытности и особенностей национально-культурного развития и говорит о необходимости «охранительно-оборонительного законот-

ворчества в сфере коллективных прав»²². В этом же – в исключении дискриминации – видит сущность института прав человека и народов и А. Б. Габоев: «права человека и право народа – это отсутствие дискриминации»²³.

На наш взгляд, основная сложность, возникающая в связи с коллективными правами, и именно в этом смысле должна рассматриваться возможность противоречия индивидуальных и коллективных прав, – это обеспечение в равной степени права индивида быть и не быть этнически выраженным, т.е. свободы выбора и отсутствия давления при его осуществлении. На важность этого момента указывают Ч. Тейлор и У. Кимлика, разрабатывая проблему культурной идентичности и прав меньшинств: люди имеют фундаментальную потребность быть признанными не только как индивидуумы с общечеловеческими достоинствами, но и как существа, обладающие особой идентичностью, заложенной в культурной общности, поэтому политика равенства, которая подчеркивает значение индивидуума и равных прав, должна быть подкреплена политикой различий, целью которой является публично и легально, т.е. на правовой основе, дать каждому возможность сохранить культурную идентичность. Людям «нужно дать возможность жить такой жизнью, которую они считают приемлемой для себя, при условии, что это не вредит другим людям. Необходимо защищать их культуру, так как она обеспечивает выбор»²⁴. Но с другой стороны, коллективное право на сохранение культурной самобытности не должно означать обязанности для отдельных индивидов подчиняться культурным особенностям этнической группы, они должны иметь право разделять ее ценности или нет. В Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств это право индивида удачно сформулировано: «Любое лицо, принадлежащее к национальному меньшинству, имеет право свободного выбора рассматриваться или не рассматриваться таковым, и этот выбор или осуществление прав, которые связаны с этим выбором, не должны ущемлять данное лицо»²⁵. Однако такой выбор становится вообще возможен, как мы уже писали, лишь при условии сохранения самой этнической общности, ее культуры. Выбор же в пользу

¹⁸ Соколовский С.В. Права человека: либерально-демократическая доктрина о соотношении прав индивида и группы // Соколовский С.В. Права меньшинств: антропологические, социологические и международно-правовые аспекты. – Доступно <http://gosprav.ru/sokolovsky_prava/12/D/>.

¹⁹ Карапетян Л.М. Федерализм и права народов (курс лекций). – М., 1999. – С. 97-98.

²⁰ Федеральная концепция по обеспечению прав и свобод человека (проект). – Доступно <http://www.libuni_uba.ru/search/files/sr_fed_concept/~sr_fed_concept.htm>.

²¹ Тишков В.А. Этничность, право и закон: Вместо заключения // Зорин В.Ю., Амантолова Д.А., Кулешов С.В. Национальный вопрос в Государственных Думах России. – М., 1999. – С. 499.

²² Смирнова С.К. Права народов в мультиэтничном государстве: Путь России. – Доступно <<http://www.iea.ras.ru/lib/net/21012003164008.htm>>.

²³ Габоев А.Б. Защита прав и свобод человека – важнейший составной элемент при осуществлении государственной национальной политики // Государство и право. – 2005. – № 1. – С.32.

²⁴ Цит. по.: Сеношкина Т.А. Право на сохранение культурной независимости и новейшие тенденции в концепции прав национальных меньшинств // Ученые записки Таврического национального университета. – 2006. – Выпуск № 11 (45). – С. 16; – Доступно <<http://www.crimea.edu/internet/Education/notes/edition11/n01106.html>>.

²⁵ Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (1995). – Доступно <http://www.portal.ru/modules/internationallaw/data/files/na/Ramochnya_konv_po_zashite_nac_menshinstv/doc>.

этнической идентичности во многом определяется их конкурентноспособностью, что напрямую зависит от наличия и реализации прав народов.

Следовательно, коллективные права можно рассматривать как правовой механизм обеспечения свободы выбора индивида в вопросах самоидентификации, т.е. его индивидуальных прав. Именно в этом смысле, чтобы подчеркнуть *диалектическое единство* индивидуальных и коллективных прав, последние и сейчас можно рассматривать как «особую самостоятельную систему прав в структуре прав человека», но при этом, как пишет М.П. Фомиченко, следует признать, что «права народов, возникнув и развиваясь в рамках системы прав человека, оказались ограниченными ее пределами при решении проблем тех или иных общностей»²⁶. Чтобы аргументировать справедливость данной позиции обратимся к проблеме ценностей в теории государства и права. Ценности имеют исторический, преходящий характер, к вечным ценностям чаще всего относят лишь справедливость, общее благо, порядок и безопасность. Ценности не равнозначны и не взаимоисключающи (раз они есть ценности!), хотя между ними часто возникают коллизии. И идеальным решением возникающих противоречий является *синтез*. Это подчеркивал известный русский юрист П.И. Новгородцев применительно к коллизии между индивидуализмом и коллективизмом: «С точки зрения такого синтетического построения ни личность, ни общество не могут быть признаны началами самодовлеющими». При этом использование синтеза при решении противоречий не исключает возможности признания определенной иерархии между ценностями. И здесь на высшую ступень этой иерархии может претендовать лишь всеобъемлющий принцип *справедливости*, тесно связанный с *общим благом*: все другие ценности соизмеряются с ним и признаются лишь в той мере, в какой они справедливы²⁷. Принцип справедливости применительно к праву требует установления справедливого баланса интересов всех и каждого: индивидов, социальных слоев, классов, социальных общностей и образований. Только учет и согласование интересов всех социальных субъектов (индивидуальных и коллективных) выступает подлинной основой и гарантией осуществления правовых предписаний.

Это одно из прочтений понятия «коллективные права», но их может быть, как считает А.Г. Осипов, минимум пять: «1) индивидуальные права, реализуемые в коллективе, совместно с другими людьми (т.н. коллективное измерение индивидуальных прав); 2) общие права человека

и гражданина применительно к членам определенной группы; 3) специальные права, которыми обладают индивиды, относящиеся к определенной категории (т.н. специальные права); 4) правомочия коллективного субъекта права – организации; 5) права условной или статистической группы как таковой (здесь – «групповые права»). Обоснованность и применимость первой интерпретации он считает неоспоримой: большинство прав человека имеют коллективное измерение. Однако факт того, что те или иные права не могут быть реализованы отдельно взятым и изолированным индивидуумом, не может служить основанием конституирования коллективного субъекта. Наделение специальными правами «не означает признания каких-либо особых прав, которые принадлежат только лицам, входящим в соответствующую категорию, и не устанавливает особый режим или особое юридическое состояние для носителей соответствующих прав... При рассмотрении «специальных прав» в контексте прав человека речь идет либо о формулировании универсальных прав применительно к определенной ситуации, либо к детализации универсальных прав, либо к провозглашению особых гарантий и механизмов их защиты». Не вызывает сомнений и правомерность постановки вопроса о признании в качестве коллективного субъекта организации (а значит, и наличия у нее коллективных прав): объединение, государство, любое юридическое лицо, имеющие признак правосубъектности, могут рассматриваться в качестве коллективного субъекта. Говоря о пятой интерпретации, когда «под «коллективными» правами подразумеваются права условной или статистической группы (народа, этнической общности, национального меньшинства) как таковой, а группа воспринимается как субъект определенных прав» (при этом группа «воспринимается как социальная целостность и как социальный актор, который может и должен приобретать определенные субъективные права и пользоваться ими»), А.Г. Осипов, будучи правозащитником, предпочитает смотреть на проблему с точки зрения последствий их использования: какого рода практики они инициируют и легитимируют. И в числе возражений против такой интерпретации называет три основные, которые сводятся к главному: введение групповых прав этнических общностей чревато непризнанием или ущемлением прав индивидов под предлогом защиты групповых прав, установлением зависимости статуса индивида от происхождения, что ведет к этнизации общественного сознания, использованием конструкции групповых прав для получения все больших прав и их использования как механизма изменения существующего положения²⁸.

²⁶ Фомиченко М.П. Права народов в Российской Федерации (конституционно-правовые аспекты): Автореф. дис. ... докт.юрид. наук. – М., 2007. – Доступно <<http://vak.ed.gov.ru>>.

²⁷ См.: Мартышин О.В. Проблема ценностей в теории государства и права // Государство и право. – 2004. – № 10. – С. 8-9.

²⁸ Осипов А.Г. Являются ли групповые права необходимым условием недискриминации и защиты меньшинств? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. – М., 2002. – С. 80-100; Доступно <<http://www.igpi.ru/info/people/osipov/collrights.htm>>.

Эту точку зрения разделяет и отстаивает, используя воззрения А. Даниэля, Р. Г. Кузеева, А. Кузьмина, С. Сироткина, С.В. Чешко, Б. Цилевича и других, В.Р. Филиппов. Он убежден в наличии оппозиции между индивидуальными и групповыми правами: «признание принципа правосубъектности этнической группы... прямо антагонистично правам человека» – и «целиком солидаризуется» с мнением башкирского этнолога Р.Г. Кузеева о том, что *«неотъемлемые индивидуальные личностные права приходят порой в смертельное противоречие с коллективными, часто патриархальными или религиозно-догматическими интересами народа»*. Он считает, что концепт «коллективной правосубъектности онтологизированных этносов» «конфликтогенен по своей сути», а нормотворчество, выстраиваемое на этой основе, – «явный признак этнической модели легитимизации власти, иными словами – этнократического режима правления». Поэтому он признает субъектом этнического права, с одной стороны, индивида, реализующего свое право на свободу этнической самоидентификации, с другой, – группу лиц, ассоциированных по этническому признаку. «Этнические права – это частный аспект прав человека вообще... В рамках территориального (или государственного) сообщества индивид вправе свободно реализовывать свою этнокультурную идентичность или персонально, или совместно с иными членами определенного этнокультурного сообщества в любых формах, предусмотренных принципом национально-культурной автономии (иными словами, принципом экстерриториальной персональной автономии)».

В.Р. Филиппов утверждает, что такая правовая конструкция: признание «коллективных прав группы носителей этнических свойств (этнофоров), добровольно ассоциированных в то или иное общественное объединение для совместной реализации права на свободу этнической самоидентификации», когда индивид имеет право свободно участвовать в одной или нескольких этнокультурных ассоциациях или не участвовать вовсе, – имеет, по крайней мере, два преимущества. Во-первых, это значительно уменьшает риски мобилизации, политизации этничности, узурпирования «воли народа» политическими элитами и т.п. Во-вторых, позволяет удовлетворять этнокультурные потребности индивидов «не как представителей той или иной этнической группы, а как граждан, налогоплательщиков данного государства». Таким образом государство становится «абсолютно индифферентно к этнической идентичности своих подданных» и этничность становится «частным делом индивида»²⁹.

Очевидно, что предложенная В.Р. Филипповым правовая конструкция подразумевает удовлетворение

исключительно *личных* и исключительно *культурных* потребностей. Но для этого индивиду сначала нужно найти группу единомышленников, объединиться с ними в ассоциацию и своими усилиями, или заявив о своих правах государству, обеспечить удовлетворение той или иной культурной потребности. Такой подход чреват формированием, как говорит В.В. Лапаева, «корпоративного порядка»: реализация тех или иных интересов становится возможной после создания своей корпорации (осознания себя в качестве корпорации), формулирования своих интересов и создания организационных структур, способных добиться их осуществления: «...В контексте сложившихся у нас корпоративных порядков любой общий интерес... – для того, чтобы он был признан и осуществлен, – по необходимости должен быть выражен в корпоративной форме, в виде интереса самостоятельной корпорации, способной утвердиться, выжить и действовать в напряженной борьбе...»³⁰. Кроме того, наивно считать, что ассоциации граждан, созданные ими для удовлетворения культурных потребностей, не могут быть использованы кем бы то ни было для достижения политических целей. При умелом использовании именно фактора объективной принадлежности их участников к тем или иным «вечным общностям» они могут стать и часто, как это показывает практика, становятся объектами активного политического манипулирования. То, вокруг чего и для чего в тот или иной момент объединились индивиды, может потерять значение, важность и измениться, но их этническая принадлежность – объективная реальность, независимо от того, акцентируется она или нет, является ли она частным делом индивида или государственно поддерживаемой идентификацией. И что бы ни говорили о «ситуативности», подвижности» этнического сообщества: эта позиция В.Р. Филиппова четко выдержана в парадигме столь популярного сейчас конструктивизма – этническая идентификация отличается большей прочностью, чем все иные, и обладает большим мобилизующим воздействием, поэтому столь активно и используется.

Мы привели самые распространенные аргументы против института прав народов. О том, что они находят отражение и в правотворческой деятельности говорит, в частности, заключение по результатам общественной экспертизы проекта корректив Концепции государственной национальной политики РФ. В нем прямо указано, что в последней редакции (в отличие от предыдущих вариантов 2005 и 2006 гг.) «исчез ряд устаревших теоретических подходов и представлений, в частности, идея примата коллективных прав»: «приоритетом должны стать индивидуальные права и создание равных возможностей для

²⁹ Филиппов В.Р. Критика этнического федерализма. – М., 2003. – С. 60, 86, 87, 64, 60-61, 67-70, 77, 78, 66.

³⁰ Гражданское общество, правовое государство и право («круглый стол» журналов «Государство и право» и «Вопросы философии») // Государство и право. – 2002. – № 1. – С. 40.

представителей разных групп населения страны, а не государственное насаждение коллективных прав, ведущее к изоляции общин и институционализации частных интересов этнократических элит». Поэтому, по мнению авторов, в новых условиях 1) речь должна идти о «законодательстве в области регулирования этнокультурного и языкового многообразия»; 2) идеология «регулирования межнациональных отношений» должна превратиться в «управление этнокультурным многообразием»; 3) вместо народов и этнических общностей, составляющих российское общество, предлагается использование термина «этнокультурное многообразие российского народа», не содержащее в себе, таким образом, элемента разделенности; 4) объектом этнической политики должны быть не межнациональные отношения, а «регулирование сфер социальных отношений, в которых требуется учитывать этнические факторы». Пересмотрено и привычное понимание термина «национальная политика»: вместо прежнего обеспечения национального развития народов РФ, единства и целостности РФ, согласования государственных интересов и национальных интересов народов предлагается «управление этнокультурным многообразием и защита прав меньшинств и коренных малочисленных народов». Поэтому ее основным смыслом является «разработка системы компенсационных мер, обеспечивающих соблюдение прав и интересов всех граждан страны, независимо от их национальной (этнической), языковой, культурной или религиозной специфики». Что касается правовых механизмов реализации таких новых политико-идеологических конструкций, как управление современными культурными сообществами и создание новых культур, а также обеспечения возможностей выражения этнической идентичности, то их вовсе нет³¹. А ведь, как указано в Концепции национальной государственной политики РФ, «национальная политика может стать консолидирующим фактором лишь в том случае, если она будет... иметь в своем арсенале четкие механизмы их (интересов – примечание автора) согласования»³².

В 90-е же годы, когда и были разработаны Концепция национальной государственной политики РФ и концепции национальной политики регионов, именно правовым механизмам ее реализации уделяли наибольшее значение.

³¹ Заключение по результатам общественной экспертизы проекта корректив Концепции государственной национальной политики Российской Федерации, разработанного Межведомственной рабочей группой при Министерстве регионального развития Российской Федерации. – Доступно <<http://www.oprf.ru/rus/documents/resolutions/article-2136.html>>.

³² Указ Президента Российской Федерации от 15 июня 1996 г. № 909 «Об утверждении концепции государственной национальной политики Российской Федерации». – Доступно <<http://www.severcom.ru/files/upload/conferences/5.06030313528.doc>>.

Для примера обратимся к Концепции государственной национальной политики Республики Коми (1996). В ней указано, что проблема «поддержания этнокультурного разнообразия» наилучшим образом может быть решена путем обеспечения оптимального соотношения между правами и свободами человека и гражданина независимо от национальной принадлежности (в том числе и реализацией прав личности на свободное этническое самоопределение, а также прав на удовлетворение интересов и запросов, связанных с национальной принадлежностью) и правами и свободами народов, иных этнических групп, а также установлением равенства прав в культурном самоопределении всех национальностей независимо от их численности (таковы три из семи принципов государственной национальной политики в Коми), но главное – путем создания экономических, политических, государственно – правовых, социально – культурных условий и гарантий для развития всех народов на основе соблюдения норм и принципов международного права в отношении народов, конституционных прав человека и гражданина, конституционных прав народов (в этом – основная цель государственной национальной политики в Коми)³³.

Такой же подход, в основе которого убежденность в необходимости придания государственной национальной политике характера не узкоспециализированного, а системного комплексного государственного управления, обнаруживаем в проекте закона «Об основах государственной национальной политики Российской Федерации». Здесь предлагается признать целью закона «создание правовых основ обеспечения национально-культурного развития всех народов Российской Федерации»; среди задач называется и «обеспечение правовой защищенности социально-экономических и национально-культурных интересов граждан и народов Российской Федерации»; среди направлений государственной национальной политики – «обеспечение и защита конституционных прав народов Российской Федерации на национально – культурное развитие», «удовлетворение национально-культурных потребностей граждан и народов, их национальных интересов в экономической, политической и социальной сферах»; среди принципов – «равенство прав граждан и народов Российской Федерации на национальное развитие». К их числу первых отнесены право граждан РФ на самобытность (право «лично или совместно с другими лицами сохранять, выражать и развивать свои культурные, языковые и иные этнокультурные особенности, не ущемляя соответствующие права лиц другой национальности»)

³³ Постановление Государственного совета Республики Коми от 10 октября 1996 г. № 1-7/27 «О Концепции государственной национальной политики Республики Коми». – Доступно <<http://minorities.ceprs.indem/Komi/Konc.doc>>.

и право на национальную самоидентификацию (право «свободно определять и указывать свою национальную принадлежность»). К числу вторых – право на самобытность («каждый народ имеет право на сохранение и развитие своей исторической, национальной, культурной и языковой самобытности»), право на сохранение, пользование, изучение и развитие их родных языков (право «владеть и пользоваться родным языком, государственным языком Российской Федерации, государственными языками республик, а также свободно выбирать языки народов Российской Федерации для общения, воспитания, обучения и творчества»), права коренных малочисленных народов и национальных меньшинств «на социально-экономическое и культурное развитие, защиту их исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов»³⁴. Если исходить из того, что одной из целей национальной политики является согласование и обеспечение реализации национальных интересов разных народов, «создание необходимых условий и механизмов воспроизводства национальной жизни народов во всем ее богатстве, сохранение и развитие национальных культур, языков и традиций, духовное сотворчество народов», «обеспечение необходимых условий национальной консолидации каждого народа на основе общности культурно-исторического прошлого, национальных ценностей и интересов»³⁵ (как это указано в Концепции национальной политики в Тюменской области), то, следовательно, реализация государственной национальной политики предполагает, прежде всего, создание условий для наиболее полного осуществления *прав человека и прав народов на национальное развитие* (как это сформулировано авторами проекта). Это, на наш взгляд, самый действенный механизм «поддержания этнокультурного разнообразия».

Однако упомянутый проект не обрел форму закона, как не завершена и работа над проектом «О гарантиях представительства народов России в органах государственной власти Российской Федерации», призванным решить не менее острую, чем сохранение самобытности народов, проблему – обеспечить их участие в политической жизни страны. Причиной тому, – как мы уже писали, убежденность в том, что коллективные права, права народов способствуют расширению процессов этнизации, этнократизации и т.п. Но следует заметить, что коллективные права так и не получили окончательного оформления в международном праве

и не признаны многими странами, а процессы этнизации, этнической мобилизации получают все большее и большее распространение. Следовательно, причины в другом. Во-первых, в традиционно сильной политизированности вопросов, связанных с этнонациональным развитием, их прямой зависимости от совокупности геополитических, экономических интересов различных заинтересованных акторов. Равно как и в политизированности проблемы прав человека и прав народов. И.М. Валлерстайн, говоря о проблеме прав народов, подчеркивает, что до сих пор это был лишь вопрос предоставления прав тем или иным народам, «новым народам» (бывшим колониям, странам третьего мира и т.д.). Периодически, как утверждает исследователь, в зависимости от развития глобального либерализма, два движения: поиск новых «народов», права которых должны быть утверждены, и требования, касающиеся «прав человека», – то сходились, то расходись. После 1980-х гг. они пошли раздельными, противоположными путями, к концу 1990-х гг. тема «прав человека» стала противопоставляться правам «новых народов». И это ведет к достижению главной цели: либерализм хотя и продолжает «утверждать законность прав человека и, чуть менее громко, прав народов», но «он утверждает права с целью, чтобы они не были применены в полном объеме. Но это все труднее сделать»³⁶.

Во-вторых, уровень социального, экономического и политического развития большинства этнических общностей недостаточно высок. Поэтому нельзя не согласиться с С.В. Соколовским, который, рассуждая на тему парадоксальности современной либеральной критики концепции коллективных прав, подчеркивает, что не сам институт коллективных прав народов чреват этнократическими издержками, а их отсутствие: «...Противники идеи предоставления коллективных прав этническим сообществам утверждают, что предоставление этих прав создает систему льгот и преференций, приводящую к установлению этнократических форм правления, возникновению этнических корпораций, апартеиду и т.п. Между тем, именно логика борьбы за коллективные права (необходимость которой как раз и вызвана непримиримостью позиции большинства и ощущаемой меньшинством угрозой его культурной самобытности) приводит к процессам этнической мобилизации и складыванию тех самых этнических корпораций, которые накануне мобилизации существовали в лучшем случае как политический проект»³⁷.

³⁴ «Об основах государственной национальной политики Российской Федерации» (проект Федерального закона № 369190-3 и пояснительная записка к нему), внесен депутатами Государственной думы 22 марта 2003 г. – Доступно <[http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=369190-3&02](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=369190-3&02)>.

³⁵ Постановление администрации Тюменской области № 185 от 06.11.98 г. «О Концепции национальной политики в области на период 1999-2005 гг.». – Доступно <<http://www.law.admtymen.ru/noframe>>.

³⁶ Валлерстайн И.М. Непреодолимые противоречия либерализма: права человека и права народов в геокультуре современной миросистемы // Валлерстайн И.М. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб., 2001. – Доступно <<http://www.archipelag.ru/geoculture/concept/transform/antagonisms/>>.

³⁷ Соколовский С.В. Правосуъектность в международном праве // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции: Сб. статей. Вып. 4. – М., 1997. – С. 69-70.

Известно, что наибольшее развитие националистические, экстремистские, сепаратистские стремления получают в силу экономической, социально-политической отсталости, нестабильности, неравенства и бесправия.

И, в-третьих, и на это обращает внимание сам А.Г. Осипов, сложность реализации коллективных прав кроется в неготовности и неспособности многие из современных государств на нынешнем этапе их развития обеспечить права народов: ведь даже коллективные права в смысле коллективного измерения индивидуальных прав требуют не только активных коллективных действий индивидуумов, но и «пассивных» действий государства, чем обеспечивается доступ к общественно значимым благам и ресурсам. «Права групп» как оборотная сторона обязательств государства аналогичны части социальных прав, означающих государственно гарантированный доступ к определенным благам, например, праву на образование, бесплатное медицинское обслуживание или социальное обеспечение. Декларирование подобных прав лишено смысла, если государство не располагает ресурсами и политическими возможностями, которые могут быть гарантированно выделены для обеспечения этих прав. Если на уровне международных деклараций или национального законодательства провозглашаются «права групп» в подобном значении как универсальное нормативное требование, при том, что многие правительства объективно не могут выполнять эти требования вне зависимости от своих политических предпочтений, то автоматически появляются большие категории населения, чьи права оказываются нарушенными»³⁸. С этим нельзя не согласиться.

Сущностной характеристикой современного правового и социального государства является степень реализации прав человека: «Права человека – показатель зрелости демократических и правовых основ государства, его «качества»... Права человека как гарантированная законом и обеспеченная судебной защитой способность реализовать свои притязания в различных сферах жизнедеятельности – характеристика качества правового государства и гражданского общества, основанного на праве»³⁹. Однако для всеобъемлющей реализации прав человека необходим определенный уровень развития государства. Это в полной мере относится и к реализации прав народов, более того, тезис о неготовности и неспособности многих из современных государств обеспечить

реализацию прав в данной ситуации еще более актуален. Поэтому осуществление прав народов в современных условиях – это, прежде всего, поиск компромисса между *возможностями* государств обеспечить коллективные права и свободы различных этнических общностей и их *растущими требованиями*, игнорировать которые становится все сложнее и опаснее. Сверхзадача современных государств – обеспечить реализацию «этнических» прав (индивидуальных и коллективных), признав последние действенным механизмом реализации первых, а человека – конкретной социально-этнической, а не абстрактно понимаемой сущностью.

Для решения проблемы утверждения коллективных прав продуктивным может быть ценностный подход. Любое право проходит, по В.Е. Гулиеву, несколько «ступеней вызревания: «право – идея и самооценность, право – притязание, право – декларация, право – законодательное закрепление (юридическое право) в виде нормы, принципа или цели, наконец, судебно-защищенное (гарантированное) право»⁴⁰. З.Д. Еникеев, исследуя проблему утверждения ценностного подхода в праве, констатирует, что представители правовых наук давно признали регулятивные функции ценностей и констатировали социально-ценностную направленность процесса правотворчества и правореализации, – «ценностный подход стал... новым поворотом в освещении правовых явлений». Поэтому он говорит о праве как о «ценностно-ориентированном социальном феномене», подлинный смысл и содержание которого заключается в обеспечении «охраны и реализации основных человеческих ценностей». Признание самооценности индивида стало прологом утверждения прав человека, и теперь правоведы признали, что в «основу правовой системы должна быть положена философия восприятия общечеловеческих ценностей в качестве естественных прав человека, приобретающих в процессе своего исторического развития общецивилизационный характер»⁴¹. Если мы действительно признаем самооценность этнических сообществ, самооценность их своеобразных культур, то наделение их правами, позволяющими им сохранить себя в том качестве, которое и представляет ценность, становится неизбежным. Следовательно, главная проблема заключается в самой постановке и ответе на вопрос том, представляют ли *этнические общности истинное богатство мира, а этнокультурная мозаичность – его ценность*.

³⁸ Осипов А.Г. Являются ли групповые права необходимым условием недискриминации и защиты меньшинств? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. – М., 2002. – С. 80-100; Доступно <<http://www.igpi.ru/info/people/osipov/collrights.htm>>.

³⁹ Гражданское общество, правовое государство и право («Круглый стол» журналов «Государство и право» и «Вопросы философии») // Государство и право. – 2002. – № 1. – С. 23, 24.

⁴⁰ Гражданское общество, правовое государство и право («Круглый стол» журналов «Государство и право» и «Вопросы философии») // Государство и право. – 2002. – № 1. – С. 14.

⁴¹ Еникеев З.Д. Исследование проблем правовой защиты общечеловеческих ценностей как одна из важных задач российской юридической науки // Российский юридический журнал. – 2006. – № 1. – С. 46.

Библиография:

1. Анохин Ю.В. Механизм государственно-правового обеспечения прав и свобод личности (на материалах Российской Федерации): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Саратов, 2007. – Доступно <<http://vak.ed.gov.ru>>.
2. Ахметшин Р.И. К проблеме третьего поколения прав человека (международно-правовые аспекты): Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1999. – 168 с.
3. Глухарева Л.И. Права человека в современном мире (социально-философские основы и государственно-правовое регулирование). – М., 2003. – 304 с.
4. Карапетян Л.М. Федеративное государство и правовой статус народов. – М., 2001. – 334 с.
5. Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире / Под ред. О.Ю. Малиновой и А.Ю. Сунгурова. – СПб., 2005. – 268 с.
6. Права человека и процессы глобализации современного мира / Отв. ред. Е.А. Лукашева – М., 2005. – 464 с.
7. Стешенко Л.Ю. Правовая политика России в сфере национальных отношений: теоретическое и историко-сравнительное исследование: Дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2003. – 325 с.
8. Тuzmukhamedov R.A. Национальный суверенитет. – М., 1963. – 156 с.
9. Тuzmukhamedov R.A. Право национальных меньшинств. – Уфа, 1996. – 182 с.

References (transliteration):

1. Anokhin Yu.V. Mekhanizm gosudarstvenno-pravovogo obespecheniya prav i svobod lichnosti (na materialakh Rossiyskoy Federatsii): Avtoref.dis. ... dokt. yurid. nauk. – Saratov, 2007. – Dostupno <<http://vak.ed.gov.ru>>.
2. Akhmetshin R.I. K probleme tret'ego pokoleniya prav cheloveka (mezhdunarodno-pravovye aspekty): Dis. ... kand. yurid. nauk. – M., 1999. – 168 s.
3. Glukhareva L.I. Prava cheloveka v sovremennom mire (sotsial'no-filosofskie osnovy i gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie). – M., 2003. – 304 s.
4. Karapetyan L.M. Federativnoe gosudarstvo i pravovoy status narodov. – M., 2001. – 334 s.
5. O.Yu. Malinovaya A.Yu. Sungurova. Prava cheloveka i problemy identichnosti v Rossii i v sovremennom mire / Pod red. O.Yu. Malinovoy i A.Yu. Sungurova. – SPb., 2005. – 268 s.
6. E.A. Lukashev Prava cheloveka i protsessy globalizatsii sovremennogo mira / Otv. red. E.A. Lukasheva – M., 2005. – 464 s.
7. Steshenko L.Yu. Pravovaya politika Rossii v sfere natsional'nykh otnosheniy: teoreticheskoe i istoriko-sravnitel'noe issledovanie: Dis. ... d-ra yurid. nauk. – M., 2003. – 325 s.
8. Tuzmukhamedov R.A. Natsional'nyy suverenitet. – M., 1963. – 156 s.
9. Tuzmukhamedov R.A. Pravo natsional'nykh men'shinstv. – Ufa, 1996. – 182 s.